Поѣздка въ Пултускъ.

(Отъ нашего корреспондента).

— «Подъ Пултускомъ идетъ бой». —«Пултускъ взятъ нѣмцами».—Нѣмцы идутъ отъ Пултуска на Варшаву».

Неизвѣстно, гдѣ возникаютъ такіе слухи. Но ихъ распространяютъ, ихъ повторяютъ, ссылаясь на разные авторитетные источники. Какой-то помѣщикъ, пріѣхавшій въ Варшаву изъ имѣнія, лежащаго неподалеку отъ Пултуска, разсказывалъ, что самъ слышалъ въ томъ направленіи сильную канонаду. Другой господинъ подъ великой тайной увѣрялъ, что о взятіи Пултуска ему сообщили чуть ли не оффиціально...

Само по себѣ извѣстіе было довольно правдоподобно. Послѣ вторженія въ восточную часть Плоцкой и западную Ломжинской губерніи нѣмцамъ было естественно идти къ Пултуску. Но возбуждала большое сомнѣніе стремительность движенія. На этомъ фронтѣ германскія войска подвигаются вообще медленно. Они явно боятся дѣйствовать рѣшительно и проявляютъ крайнюю осторожность. Затрудняютъ ихъ также ихъ тяжелая артиллерія и огромные обозы. Поэтому я лично къ извѣстію, что Пултускъ уже занятъ нѣмцами, отнесся съ подобающимъ скептицизмомъ.

Одинъ изъ моихъ сотоварищей по работѣ, Ф., корреспондентъ одного изъ англійскихъ агентствъ, предложилъ мнѣ совмѣстно отправиться къ Пултуску. Предложеніе было весьма подходящимъ. Лично я намѣревался главнымъ образомъ ознакомиться съ настроеніемъ населенія. За недѣлю передъ тѣмъ я видѣлъ жизнь на сѣверѣ Польши, когда угроза нашествія была сравнительно еще далека. Теперь я надѣялся присмотрѣться къ мѣстной жизни въ дни рѣшительныхъ событій. Мы рѣшили ѣхать немедленно, въ воскресенье, 7-го сентября, рано утромъ, въ автомобилѣ.

И наканунѣ вечеромъ, и въ самую минуту отъѣзда насъ всячески уговаривали отказаться отъ нашего замысла. «Мы знаемъ навѣрное,—говорили мнѣ, —что въ Пултускѣ нѣмцы бьются, а оттуда идутъ раненые. Они летаютъ теперь на 10 верстъ; васъ нечаянно убьютъ, и никто этого даже не замѣтитъ».—«Все равно вамъ не удастся проѣхать дальше 20—25-ти верстъ»,—успокаивали другіе. Шофферъ, подавая машину, также предупреждалъ насъ, что придется вернуться съ полдороги, такъ какъ у него тоже есть самыя точныя свѣдѣнія о близости германской арміи. Но мы болѣе вѣрили нашимъ соображеніямъ, нежели всѣмъ этимъ слухамъ и «точнымъ» свѣдѣніямъ.

Нашъ путь, миновавъ предмѣстья Варшавы и нѣсколько пригородныхъ селеній, повелъ насъ черезъ красивыя, слегка волнистыя поля. Мимо насъ мелькали старыя ракиты, между которыми кое-гдѣ поднимались высокіе пирамидальные тополя. Дань, прорѣзанная свѣтлой лентой Нарева, была окаймлена лѣсами и деревнями. Мѣстами изъ за деревьевъ виднѣлись верхи костела, а однажды разъ проблестѣли золоченые купола православной церкви. Красивости пейзажа мѣшала нѣсколько погода: небо было хмурое, съ сѣрымъ облачнымъ покровомъ; временами начинала моросить дождь.

Меньше чѣмъ на полпути намъ стали встрѣчаться бѣглецы изъ Пултуска. Жители города, напуганные приближеніемъ непріятеля, выселялись. Встрѣчались не имущественно обѣзнаки, вообще люди малоимущіе, такъ какъ болѣе богатые и окрестные помѣщики выбрались еще раньше. Ѣхали въ самыхъ разнообразныхъ экипажахъ: въ трясскихъ колясках, куда было набито по 8—10-ти человѣкъ, въ почтовыхъ дорожно-жестяныхъ каретахъ, въ прадѣдовскихъ дилижансахъ, которые сто лѣтъ назадъ бороздили всю Европу, въ возахъ, въ фурахъ, на телѣгахъ. Сидѣли кучами, увозя съ собой весь домашній скарбъ,—въ чемоданахъ, корзинахъ, сундукахъ и узлахъ. Среди проѣзжавшихъ мелькнуло нѣсколько гимназическихъ пальто и студенческій мундиръ. Но большинство составляли, конечно, женщины.

Мы заговаривали съ нѣкоторыми изъ бѣглецовъ. Изъ самыхъ первыхъ разспросовъ выяснилось, что нѣмцевъ ни въ Пултускѣ, ни подъ самымъ Пултускомъ еще нѣтъ. Но одна мысль о томъ, что нѣмцы могутъ войти въ городъ, заставляла жителей покинуть свои дома, привычное дѣло, привычную обстановку и бѣжать. Лошадей было достать трудно, и экипажи нагружались сверхъ мѣры. Поэтому ѣхали очень медленно. Многіе изъ тѣхъ, съ которыми мы встрѣчались, выѣхали изъ города еще вечеромъ: значитъ, 30 — 40 верстъ они тянулись почти цѣлую ночь.

Чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ городу, тѣмъ больше встрѣчали мы этихъ бѣглецовъ. Параллельно съ экипажами, вдоль дороги, шли пѣшіе, таща въ рукахъ или за плечами узлы со своимъ добромъ; женщины несли маленькихъ дѣтей. Многіе сняли обувь и шли босыми. Всѣмъ хотѣлось во что бы то ни стало уйти подальше отъ нѣмцевъ...

Наконецъ, показался Пултускъ. Онъ красиво расположенъ на другомъ, возвышенномъ берегу Нарева. Нѣсколько башенъ и высокихъ костеловъ придаютъ его профилю характерность. Каменныя строенія, сгруппированныя въ серединѣ и окружающія обширную рыночную площадь, дѣлаютъ его подлинно городомъ, а не большой деревней, каковы иные русскіе уѣздные городки. Нѣкоторые уголки Пултуска прямо живописны: напримѣръ, арка моста черезъ небольшой притокъ Нарева.

Въ Пултускѣ были еще люди,—даже много людей. На базарной площади—цѣлая толпа. Присмотрѣвшись, можно было убѣдиться, что все это—почти исключительно евреи: польскаго населенія почти не осталось. Нѣкоторые еврейскіе магазины и лавочки были открыты. Торговали табакомъ и папиросами, бумагой, бѣльемъ, даже книгами и тросточками; какой-то часовщикъ съ лупой въ глазу сидѣлъ подъ окномъ и разбиралъ принесенныя въ починку часы. Но магазины съѣстныхъ припасовъ, булочныя, кофейни, рестораны, гостиницы и всѣ польскія торговли были закрыты.

Въ общемъ несмотря на толпу на площади городъ въ сущности былъ *пустъ*. Это чувствовалось по какой-то растерянности движенія на улицахъ, по какой-то неувѣренности продавцовъ въ лавочкахъ, по отсутствію подлиннаго оживленія, дыханія подлинной жизни. Были люди, но они временно переставали жить. Всѣ словно ждали чего-то, переживали что-то. Хотѣлось и къ этому маленькому Пултуску примѣнить геніальное сравненіе автора «Войны и мира», который, описывая Москву, передъ вступленіемъ въ нее Наполеона, сравнилъ ее съ ульемъ, гдѣ нѣтъ матки...

Не безъ труда мы добились внуска въ какую-то гостинницу. Намъ дали два стакана, тарелку, вилку и ножъ, но даже чаю уже нельзя было достать. Мы расположились въ билліардной, гдѣ подъ сѣрымъ чехломъ, на стеклянныхъ ножкахъ еще стоялъ билліардъ, гдѣ еще оставались на стойкѣ кіи, испачканные мѣломъ, и съ аспидной доски еще не были стерты цифры, — разсчетъ игры, шедшей, вѣроятно, наканунѣ. Въ сосѣдней комнатѣ хозяйка гостиницы со своей дочерью спѣшно увязывала болѣе дорогія вещи, также собираясь уѣзжать. Все остальное имущество имъ приходилось бросать на произволъ судьбы...

Когда мы предложили хозяйкѣ уплатить за посѣщеніе, она почти обидѣлась.

— Помилуйте, такіе ли теперь дни!

Предъ лицомъ наступающаго врага исчезли «содержатели гостинницъ» и «постоялцы»: были лишь люди, связанные общимъ несчастьемъ.

У меня были рекомендательныя письма къ нѣкоторымъ изъ постоянныхъ жителей Пултуска, помѣщикамъ, но никого изъ нихъ въ городѣ не оказалось: всѣ уже выбрались.

Изъ Пултуска мы поѣхали нѣсколько дальше, по дорогѣ на Вышковъ: въ этомъ направленіи находится одно имѣніе, къ владѣльцу котораго мнѣ также было дано рекомендательное письмо. По пути мы наткнулись на цѣлый таборъ расположившихся въ лѣсу крестьянъ. То были бѣглецы изъ окрестностей Красника, Цѣханова и Макова. При извѣстіи о приближеніи нѣмцевъ крестьяне высеклись цѣлыми деревнями, со всѣми семьями, увезя съ собой и скотъ. Теперь они размѣстились въ лѣсу, кто на телѣгахъ, устроивъ надъ ними навѣсъ, кто въ шалашахъ изъ зеленыхъ вѣтокъ. Коровы, лошади и свиньи паслись здѣсь же, неизвѣстно на чьей землѣ. Маленькія дѣти безпечно бѣгали по лѣсу. Матери кормили грудныхъ младенцевъ. Было похоже на эпизодъ великаго переселенія народовъ.

Мужчины обступили нашъ автомобиль, прося у насъ разъясненія, скоро ли имъ можно будетъ вернуться къ себѣ домой.

— Хлѣба у насъ чема, пане,—говорили они.—Малыя дѣти съ нами, чѣмъ будемъ ихъ кормить? Скотъ гдѣ пасти? Можетъ, намъ какая помощь будетъ?

Къ сожалѣнію, мы не могли сказать въ отвѣтъ ничего утѣшительнаго.

— Погодите, потерпите еще, можетъ-быть, вскорѣ все и устроится.

На глазъ было здѣсь человѣкъ 100—150. Намъ говорили, что другіе такіе же таборы расположились въ другихъ мѣстахъ. Отъ кого они могли ждать помощи, теперь, когда такъ много нуждающихся въ помощи?

Въ имѣніи, куда мы ѣхали, хозяевъ также не оказалось. Управляющій объяснилъ, что они выѣхали наканунѣ. На другой день я встрѣтился съ ними въ Варшавѣ. Они говорили мнѣ, какъ тяжело было имъ разставаться со своимъ роднымъ домомъ. Но еще тяжелѣе было бы принимать въ немъ нѣмцевъ, особенно послѣ того, какъ въ послѣдніе дни ихъ частыми гостями были русскіе офицеры. Мнѣ разсказывали еще, что владѣльцы этой усадьбы передъ отъѣздомъ раздавали все, что могли, нашимъ солдатамъ. «Берите все,—говорили они,—только бы не досталось нѣмцамъ».

Отъ усадьбы мы повернули обратно. За все время переѣзда, на 70 слишкомъ верстъ отъ Варшавы, мы не видали ни одного нѣмца. Не пролетѣло даже ни одного непріятельскаго аэроплана.

Большимъ утѣшеніемъ были для насъ бесѣды со встрѣчными офицерами и солдатами. Съ нами были газеты того дня; ихъ, какъ драгоцѣнный подарокъ, принимали офицеры, которымъ уже нѣсколько дней не удавалось видѣть свѣжаго газетнаго листка. Солдатъ мы могли угостить варшавскими папиросами. Наши разсказы о событіяхъ на другихъ фронтахъ, о русскихъ побѣдахъ надъ австрійцами встрѣчались восторженно. «Ну, слава Богу!»—повторяли всѣ,—и офицеры, и солдаты.

Взамѣнъ намъ разсказывали о разныхъ бояхъ и стычкахъ, въ которыхъ наши собесѣдники принимали участіе. Въ шутливомъ тонѣ передавались случаи, въ которыхъ сказывалась безсмѣтная храбрость русскаго солдата... Были и печальныя вѣсти. Нѣмцы совсѣмъ обычнымъ варварствомъ сжигали усадьбы, мимо которыхъ проходили,—тѣ самыя усадьбы, въ которыхъ я былъ какъ гость недѣлю тому назадъ. О самыхъ тяжелыхъ бояхъ наши собесѣдники говорили какъ о самой обыкновенной вещи. Всѣ были явно воодушевлены любовью къ своему дѣлу, вѣрой въ своего вождя, убѣжденіемъ въ конечномъ торжествѣ нашего оружія. Мнѣ запомнился молоденькій офицеръ, вѣроятно, только-что сошедшій со школьной скамьи, тщательно выбритый, сохранившій и въ условіяхъ походной жизни тонкое изящество въ мундирѣ, въ осанкѣ. Нельзя точнѣе передать настроенія этого юноши, какъ сказавъ, что онъ «горѣлъ» желаніемъ сразиться съ нѣмцами; онъ ждалъ боя какъ лучшаго праздника. И все, что намъ говорили солдаты, сводилось къ тому же страстному желанію,—поскорѣе встрѣтиться съ врагомъ. При этомъ,—характерная черта, — ни разу въ разговорахъ не промелькнуло и намека на численность непріятеля. Объ этомъ много говорили въ Варшавѣ, гдѣ охотно подсчитывали силы германскихъ армій, но здѣсь, въ рядахъ русскаго войска, этимъ какъ будто никто не интересовался.

Офицеры благодарили насъ за привезенныя газеты. Было стыдно принимать благодарность, и невольно, никѣмъ на то не уполномоченные, но съ увѣренностью, что мы выражаемъ общее чувство, мы въ одинъ голосъ возразили:

— Помилуйте, господа! Это *мы* должны благодарить васъ, благодарить за себя и за всю Россію!

Солдаты попросили насъ отправить нѣсколько писемъ. Когда хочется подать вѣсть роднымъ и близкимъ, дѣятельность всякой почты кажется слишкомъ медленной. Мы, разумѣется, выразили полную готовность исполнить просьбу, и тотчасъ со всѣхъ сторонъ потянулись къ намъ руки съ «открытками». Въ одну минуту у насъ собралась добрая сотня «солдатскихъ писемъ». Теперь они уже расходятся по всѣмъ губерніямъ Россіи, отъ Царства Польскаго до Приморской области, отъ сѣверныхъ окраинъ до Малороссіи и Поволжья. Что напишешь тамъ, на этихъ листкахъ, которые непривыкшая къ карандашу рука покрыла крупными, кривыми строками? Вѣроятно, чуть ли не каждое письмо открывается стереотипными словами о томъ, что пишущій «живъ и здоровъ» и «того же желаетъ» кому-то,—своей женѣ, матери, отцу, дѣтямъ, «сродственникамъ». Но какое новое значеніе пріобрѣтаютъ въ солдатскомъ письмѣ эти простыя слова: *«живъ и здоровъ»*,—вѣдь это почти все, что хочется узнать роднымъ и близкимъ!

Назадъ намъ пришлось ѣхать подъ сильнымъ дождемъ. Дулъ холодный, пронзительный вѣтеръ. Но на душѣ опять было свѣтло и ясно. Что изъ того, если врагомъ временно заняты какіе-то наши городки, какіе-то клочки территоріи, равные по объему одному, и не слишкомъ большому, имѣнію въ нашей Сибири? Что изъ того, если перемѣнный жребій войны принесетъ намъ, тамъ или здѣсь, новое испытаніе? Важно то, что цѣла наша армія, цѣла и сильна своимъ духомъ, своей вѣрой въ свое дѣло, желаніемъ побѣды и чисто-воинскимъ желаніемъ боя. Грустно думать о сожженныхъ нѣмцами усадьбахъ, гдѣ еще недавно самъ встрѣчалъ радушный пріемъ; горестно встрѣчать на большой дорогѣ измученныхъ бѣглецовъ, спасающихся отъ непріятельскаго нашествія; но радостно и глубоко-трогательно видѣть наше войско, готовое еще разъ дать суровый отпоръ германскимъ силамъ и съ нетерпѣніемъ ожидающее враговъ, не справляясь объ ихъ числѣ.

Валерій Брюсовъ.

Варшава, 9-го сентября.